

The background of the cover is a detailed illustration. In the foreground, a man with blonde hair and glasses, wearing a white lab coat over a dark vest, holds a woman with long, dark, wavy hair. The woman is wearing a light-colored, long-sleeved dress and has her eyes closed, leaning her head against the man. The man has a medical ID badge on his lab coat. In the background, there is a large, ornate, multi-story building with many windows and a blue sky with clouds. The ocean is visible in the distance.

МАРТАРИТА
АБРАМОВА

ОН
СЦЕЛИТ
НЕ ТОЛЬКО
ТЕЛО, НО И
ДУШУ...

ЛЕКАРЬ ИЗ ДРУТОГО МИРА

Маргарита Абрамова

Лекарь из другого мира

<https://litres.ru/74204894>

Аннотация

Доктор Александр Грачев знает о потере всё. Его прошлое — это руины, о которых он предпочитает не вспоминать. Он спасает других, потому что не смог спасти ту, которую любил.

Волей случая, оказавшись в новом мире, он посвятил себя чужим сломанным судьбам, возвращая людям надежду и движение, сам не веря, что способен на что-либо, кроме сострадания.

Всё меняется, когда судьба приводит к нему новую пациентку. Профессиональный интерес постепенно перерастает в нечто большее, заставляя дрогнуть то, что он считал навсегда замёрзшим. Теперь доктору Грачу предстоит самый сложный случай в его практике — его собственное закрытое сердце.

История Александры "Прокаженная. Брак из жалости"

История Даши "Попаданка для Проклятого. Дракон исцелению не подлежит"

Содержание

ГЛАВА 1	4
1.2	7
Визуалы и Слова Автора	11
ГЛАВА 2	12
2.2	17
ГЛАВА 3	22
3.2	27
ГЛАВА 4	32
4.2	36
ГЛАВА 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

ГЛАВА 1

АЛЕКСАНДР

— Саш, ну хватит... Ты сделал все, что мог... — ее голос звучал тихо, едва преодолевая мерное гудение медицинской аппаратуры в комнате. Но для меня он был оглушительно громким и пронзительным. Каждое ее слово отзывалось в висках тупой болью, заставляя сжиматься сердце в ледяном комке бессилия.

Нет, я не сдамся. Все не может закончиться так. Не для этого я ночами сидел над учебниками, проходил через все круги ада в ординатуре, учился столько лет, чтобы теперь, в самый важный момент, просто беспомощно смотреть, как твоя любимая женщина умирает. Чтобы чувствовать, как песок времени утекает сквозь пальцы, а ты, человек в белом халате, символ надежды, не можешь ничего сделать. Эта мысль была ядовитее самой болезни, она разъедала изнутри.

Нет. Я всегда верил в медицину. Как бы банально ни звучало, я пошел на врача, чтобы помогать людям. Чувствовать себя причастным, нужным, настоящим, а не пустым пятном...

— Посмотри на меня. Послушай... — она протянула медленно руку ко мне.

— Ты говоришь так, будто сдалась, — наконец, оторвал взор от белоснежной простыни и столкнулся с ее взглядом.

Он действительно был потухшим, бездонным и спокойным. Не тем горящим и жизнерадостным, который мог растопить лед даже в самую хмурую стужу. И это было самое страшное — видеть, как яркое пламя ее души медленно угасает. Несмотря на детство, в котором было больше боли, чем радости, она не ожесточилась, а смогла двигаться дальше.

— Я люблю тебя, Саш, но... это конец... Ты должен это принять, — ее рука, легкая и почти невесомая, коснулась моей щеки, — Давай мы просто проживем эти дни... Вместе. Без борьбы. Без надежд, которые рвут сердце. Просто будем.

— Нет, не конец... — я резко вскочил со стула, с которым, казалось, сросся в последние бессонные недели.

— Саша... Ты должен пообещать мне...

— Ты тоже обещала, что будешь бороться до конца, — вырвалось у меня, и я тут же пожалел. Не хотел ругаться, не хотел добавлять ей боли, но в груди скопилась целая вселенная из горечи, страха и ярости, и она рвалась наружу, обжигая все на своем пути.

— Я боролась. До самого конца. А теперь мой конец наступил, — она закрыла глаза на секунду, собираясь с силами, — Ты должен жить дальше. Полноценно. А мне — позволить спокойно уйти, зная, что ты справишься. Что твоя жизнь не остановится вместе со мной. Что ты снова будешь смеяться, любить этот мир... и, может быть, однажды кого-то полюбишь.

Как она может такое говорить? Какая жизнь без нее? Без

ее смеха на кухне по утрам, без ее споров о книгах, без ее умения видеть красоту в самых простых вещах? Мы нашли друг друга среди миллиардов людей, две одинокие души, создавшие свой мир. Я не отдам ее даже самой смерти!

— Лесь... Я скоро вернусь... — взял с тумбочки свои очки, нацепляя их.

— Саша... — в ее глазах мелькнула тревога, последняя искорка того прежнего огня.

Но я уже не мог этого слушать. Не мог смириться. Вылетел прочь к ее лечащему врачу.

— Евгений Семенович, вы же говорили, что есть еще время! — я ворвался в его кабинет, не стучась. Мой голос дрожал, срывался на хрип, — Вы говорили о новых протоколах, об экспериментальной терапии!

— Сан Саныч... — он говорил этим особенным, отечески-сочувствующим тоном, который выводил меня из себя больше, чем прямая критика. Тонем человека, который уже тысячу раз видел такое отчаяние и знал, чем оно всегда заканчивается, — Ты же сам, как врач, все прекрасно понимаешь... Четвертая стадия. Метастазы. Мы выжали из возможностей современной науки все, до последней капли. Он тяжело вздохнул, и его взгляд стал безжалостно-честным, — Шансы были очень низкие с самого начала. Мы сделали все, что могли. Теперь... теперь нужно сделать все, чтобы ей не было больно. И чтобы ты не сломался.

 ЛИСТАЕМ ДАЛЬШЕ >>

1.2

Я смотрел на Евгения Семеновича и видел всех нас — умных, компетентных и обученных со спокойствием, таким профессиональным сожалением произносить приговор. Здесь не было места для чуда, потому что чудеса — ненаучны.

— Евгений Семенович, — мой голос нашел какую-то новую, низкую и хриплую ноту, лишенную прежней истерики, — Ваша медицина говорит «все». Моя — еще только начинается. Ваша ограничена клиническими случаями. Моя — одним-единственным. Она оперирует шансами. Я буду биться за сто процентов, которые равны ей. Простите.

Я развернулся и вышел, хлопнув дверью. Не из бравады. А потому что в тот момент между нами пролегла не просто разность мнений, а настоящая пропасть. Он остался в мире, где медицина — это служанка неизбежного. Я шагнул в пустоту, где медицина — или, вернее, моя воля — должна была стать творцом невозможного.

И единственной моей верой в этом новом, пугающем мире, оставался я сам. Со своей яростью. Со своей болью. Со своей беспредельной, нерациональной, разрушительной любовью.

Я всегда верил в традиционную медицину, но, похоже, верить можно только в себя.

Вера в нее была моим фундаментом, моей религией. Я презирал шарлатанов, продающих «панацеи» отчаявшимся.

Но что делать, когда медицина становится просто высокотехнологичным сопровождением к заранее известному финалу. Весь этот безупречный карточный домик моей веры рассыпался перед одним-единственным взглядом Олеси. Взглядом, в котором не было страха перед диагнозом, а была лишь усталость от самой борьбы, которую навязывала ей система, частью которой я являлся.

Вера в себя... Что это значит для врача? Это бунт. Это признание, что за пределами учебников и протоколов существует неизведанная территория чужой, уникальной жизни. И, возможно, единственная сила, способная на нее повлиять. Не абстрактная медицина, а конкретная, способная повлиять на нежелание одного человека смириться, и, конечно, окружающая его поддержка.

Мы все еще вместе, и я не собираюсь просто отпускать руки. Олеся просто устала. Кризисы случаются у всех. Это один из этапов. **ЭТО НЕ КОНЕЦ!**

Уверен, что я могу еще повлиять. Пусть скажут хоть тысячу слов, что я ошибаюсь.

У меня есть право не слушать разумные доводы, потому что слушать их — значит согласиться с ее уходом.

Моя вера в себя была слепой и отчаянной. Она не опиралась на знания, а отталкивалась от них. Это была вера еретика, сжигающего храм, в котором он когда-то молился, лишь

бы получить хоть немного тепла для того, кто замерзает.

Но разве можно винить их.

Я всегда избегал этого, потому и выбрал специальность, где не нужно сообщать о смертях. Нейрореабилитолог. Я шел не в онкологию, не в паллиатив, где врачу приходится быть проводником в самую тьму. Я выбрал светлую сторону медицины — реабилитацию, когда в игру вступает борьба за качество жизни.

Борьба, которая начинается после того, как главная битва, казалось бы, выиграна или проиграна. Восстановление нейронных связей, возвращение мышцам памяти о движении, помощь мозгу, пережившему катастрофу, снова собрать рассыпавшийся пазл личности. Это медицина созидания, а не замедленного прощания. Я работал с надеждой, с видимым прогрессом, с благодарностью в глазах пациентов и их родных.

И именно в реабилитации я близко столкнулся с методами, которые теперь, в отчаянии, казались мне последней соломинкой. Низкочастотные токи для стимуляции мышц, предотвращения атрофии. Микрополяризация для активации коры головного мозга. Все это были инструменты с недоказанной в онкологии эффективностью, побочными эффектами, массой противопоказаний. Для моего врачебного разума они были тупиковой ветвью в случае Олеси. Игрушками. Но для моего отчаявшегося сердца они стали символом действия. Любого действия.

Вернувшись к ее палате, я остановился у двери, глядя на нее сквозь стеклянное окошко. Она лежала неподвижно, и лишь слабый подъем грудной клетки выдавал жизнь. И тут меня осенило с ужасающей ясностью. Я хотел бороться за ее жизнь, но что, если борьба уже окончена на том поле, где я привык сражаться? Что, если Евгений Семенович прав, и время лечить опухоль ушло? Но время что-то делать — еще нет.

Разве не в этом суть моей специальности? Не вырвать из лап смерти, но отвоевать у нее каждый глоток воздуха, каждое мгновение относительного покоя, каждую кроху телесного комфорта.

Звучит хорошо, но мне недостаточно... В голове созрел план!

О котором я потом пожалею...

Визуалы и Слова Автора

Ну что же, рада приветствовать в новой истории.

Как и обещала Александр Грачев обзавелся собственной книгой. Заслуженной. Мы узнаем все его тайны и как его из нашего мира занесло в мир "Прокаженной".

Про пападанцев мужчин я еще не писала, так что самой очень интересно)))

Пока героиню не показываю, но она уже в моем сердечке... Красивая и загадочная.

*В добрый путь!
 Местами будет грустно, но тем ценнее надежда и любовь!

*

ГЛАВА 2

АЛЕКСАНДР

— Александр Александро...вич... — дверь моего «укрытия» — заброшенной подсобки в подвале старого корпуса, — распахнулась, пропустив сноп тусклого света из коридора. На пороге возникла она. Даша Иванчикова. Моя практикантка, которую, уверен, руководство прикрепило следить за «ненормальным Грачевым», чтобы он в своем отчаянии не навредил ни больнице, ни себе. Молодой, осторожный надзиратель в белом халате.

— Что тебе, Иванчикова?! — зло повернулся я от аппарата, чей корпус был облеплен проводами, а экран мерцал синусоидами, — У меня обед! Имею я право на обед, в конце концов?! — голос прозвучал хрипло и неестественно громко в тесном помещении, заглушая тихое гудение трансформаторов.

— Имеете, — она сглотнула, испуганно отступая на полшага под напором моей ярости, — Но он... как час назад закончился... — проговорила девушка несмело, ее голубой взгляд, острый и любопытный, несмотря на страх, заглядывал за мое плечо, пытаясь разобрать нагромождение приборов, схем, распечатанных статей с пометками «экспериментально», «не подтверждено».

— Что вы... что вы делаете? Это неутвержденное обо-

рудование. Это даже не медицинский аппарат. Это похоже на...

Как же она раздражала, отвлекая от важного. Времени катастрофически не хватало, а нужно было торопиться. Олесе стало хуже. Не просто хуже. Её тело проигрывало войну по всем фронтам. Каждая секунда была на счету. До завтрашнего консилиума меньше суток. До момента, когда они придут к ней с решительными лицами и заявят об отключении. Мне нужно было завершить настройку, проверить расчёты в последний раз и попробовать. Пока она ещё на аппаратах, пока её тело ещё держит минимальный, машинный ритм жизни.

— На что? — рявкнул я, перекрывая ее, вставая между ней и столом.

Моя безумная идея, рожденная в бессонных ночах, была проста до идиотизма, но имела корни в самых темных и спорных уголках научного интернета. Я наткнулся на них в отчаянии, проваливаясь в форумы биохакинга. Речь шла о конкретном элементе — Таллий-201. В диагностической медицине его радиоактивные изотопы используют для сканирования.

Но были старые, полузабытые советские работы и более новые, отвергнутые мейнстримом гипотезы западных ученых-одиночек. В них говорилось о потенциальной способности определенных ионов таллия, под воздействием строго дозированного низкочастотного резонансного тока, избирательно встраиваться в метаболизм раковых клеток. Не уби-

вать их напрямую, как химиотерапия, а «перенастраивать» сигнал — нарушать процесс их бесконтрольного деления, заставляя апоптоз, программируемую клеточную смерть, работать как надо.

Это была идея не грубого удара, а тонкого камертона, который заставляет сбившийся с такта оркестр вновь играть в унисон.

Я не искал частоту, чтобы убить клетки, это было выше моих сил в таких условиях, я искал частоту, которая «обманет» систему, заставит элемент действовать как троянский конь.

Это была не стимуляция, а точечная диверсия на молекулярном уровне. Через точку акупунктуры, чтобы доставить «агента» как можно ближе к нервным путям, по которым, как я безумно надеялся, можно передать команду. Я синтезировал микроскопическую суспензию, заключил ее в инертную оболочку из биосовместимого полимера и создал крошечный контактный датчик, который должен был крепиться на кожу у виска.

— Вы проводите несанкционированные эксперименты! — вырвалось у нее, и в ее голосе впервые появилась не робость, но укор профессионала, видящего вопиющее нарушение, — Я понимаю, что это для вашей жены! Но... Ей нужны вы, а не это... это все безумие! — ее взгляд переместился снова с моего лица на аппарат, — Вы что используете талий? — спросила испуганно, заметив флакон с маркировкой «Tl

+». Она знала достаточно, чтобы понять, — Вы отравите ее! Таллий — это яд!

— Не в этой форме! Не при такой подаче! — начал спорить, — Я все рассчитал! Частота модуляции... она меняет валентность, она направляет его! Шанс есть! Единственный. А вы предлагаете просто ждать?!

— Вы сошли с ума! Вы не имеете права на это все!

— Право?! — закричал я, и все напряжение последних недель, вся накопленная ярость на болезнь, на беспомощность, на себя, выплеснулись на нее. — Какое ты вообще знаешь о правах?! Право на жизнь — вот самое главное право!

— Успокойтесь! — проговорила она уже более спокойно, пытаясь меня успокоить и не провоцировать скандал, — Пойдемте... вас ждут пациенты. Вы должны взять себя в руки... — проговорила назидательно это недоразумение в коротком белом халатике, словно я был и правда сумасшедшим, — Выключайте свой аппарат... Или я буду вынуждена пожаловаться руководству.

Работал же спокойно, послали на мою голову. Теперь должен отчитываться еще и перед студенткой!

Девушка потянулась к рубильнику, чем сильнее разозлила меня.

— Не трогай тут ничего! — одернул ее руку, но сам локтем задел главный регулятор на самодельном блоке питания. Раздался резкий, неприятный визг, которого не должно было быть. Лампочки на приборах вспыхнули ослепительно бе-

лым, а затем погасли, и сразу же зажглись снова, но уже странным, пульсирующим багровым светом. Воздух в комнате загудел, завибрировал, зарядился статикой, от которой зашевелились волосы.

— Что вы наделали?! — крикнула Иванчикова, но ее голос словно утонул в нарастающем гуле. Аппарат завизжал на пронзительной, невыносимой для уха частоте.

И тут произошло нечто, что не мог предвидеть ни один из тех безумных теоретиков в интернете. Перенапряжение, резонанс частот, неизученные свойства ионизированного таллия под таким воздействием — все это сошлось в одной точке. Пространство над аппаратом заколебалось. Не надорвалось, а именно заволновалось, как поверхность воды, в которую бросили камень. Но вода эта была самой реальностью. Возникла мутная, мерцающая всеми цветами радуги линза, за которой виднелось что-то иное.

Невидимая сила, не взрывная, а тянущая, как водоворот, схватила нас обоих и потащила к этой аномалии. Я увидел, как глаза Даши, полные ужаса и непонимания, расширились. Мы попытались ухватиться за что-то, но пол под ногами потерял твердость.

2.2

Единственное, что было рядом, реальное и осязаемое, — это мы сами. Я изо всех сил вцепился в руку Даши, чувствуя, как её пальцы судорожно сжимаются в ответ. Но было ощущение, будто нас тянуло в разные стороны с невероятной, противоестественной силой, словно мы были двумя магнитами, обращёнными друг к другу одинаковыми полюсами — не притягивающимися, а отталкивающимися.

— Я держу! — закричал ей, перекрывая гул окружающего безумия, но мои собственные слова показались мне какими-то далёкими и негромкими. И что хуже всего — моя хватка ослабевала с каждой секундой. Ладонь потела, мышцы предплечья горели огнём, а Даша, лёгкая и худенькая, теперь словно налилась свинцом. Она весила словно тонну или две, целый неподъёмный груз, который выскальзывал из моих пальцев миллиметр за миллиметром.

Что, чёрт возьми, происходило? Рациональная часть сознания, загнанная в дальний угол паники, отчаянно пыталась найти хоть какое-то объяснение. Может, это галлюцинации на почве хронического недосыпа? Вполне вероятно. Я нормально не спал уже несколько ночей. Сумасшедшие перепады между ночными бдениями у постели Олеси, долгими часами в подсобке над расчётами и редкими, прерывистыми провалами в забытие на стуле. Мозг мог запросто устроить

такой сюрреализм в режиме реального времени.

Или, может быть, это был нервный срыв, окончательный и бесповоротный, к которому я шёл все эти недели? Полный отказ системы, защитный психоз, в котором реальность смешалась с кошмаром.

Или я всё-таки стукнулся головой, как мой тезка из новгородней комедии «Иван Васильевич меняет профессию»? Там же Шурик ударяется, и начинается вся эта путаница с царём, управдомом и жуликом. Может, я упал, ударился виском о край стола, и сейчас лежу в луже собственной крови и спутанных проводов, а всё это — лишь предсмертный бред?

Но все было так реально. Слишком реально. Запах озона сменился запахом расплавленного металла и чего-то сладковато-гнилостного. В глазах плавали разноцветные пятна, оставляя на сетчатке шлейфы, как от яркой вспышки. Раздался хлопок. Воздух словно сжался, а потом резко распахнулся, выбросив волну невидимой силы. Она подхватила нас с Дашей и раскинула в разные стороны. Я успел увидеть, как её глаза, полные такого же непонимания и ужаса, удаляются от меня, а её рука выскальзывается из моей хватки окончательно.

— Сан Саныч... — донесся до меня её приглушённый, полный паники девичий вскрик. Он прозвучал уже откуда-то издалека, из другого измерения, и тут же был поглощён нарастающим рёвом. Звуки, свет, ощущения — всё это накрыла густая, ватная, абсолютная тишина и беспросветная тем-

нота. Голова просто отключилась, как перегоревшая лампочка.

Сознание возвращалось урывками... Нехотя.

Сначала — только ощущения. Не прохлада подсобной лаборатории, а тепло. Не резкий свет люминесцентных ламп, а мягкое, слепящее даже через закрытые веки, сияние. И звуки... Мерный, убаюкивающий шум морского прибора. Негромкий, но настойчивый. И пронзительные, одинокие крики чаек. Словно я оказался на берегу моря. Это было настолько несовместимо с реальностью, что мозг отказывался это принимать, списывая на продолжение бреда.

Я медленно, с тихим стоном, приподнялся на локтях. Каждая мышца ныла, в висках стучало. Разглядывал обстановку кругом, моргая, пытаюсь понять где я. От больницы ни осталось следа.

Вместо этого — бесконечная песчаная отмель, уходящая вдаль, и такая же бесконечная водная гладь, сливающаяся на горизонте с небом цвета битой яшмы. Море было спокойным, и лишь у самого берега накатывало небольшие, ленивые волны с белой пеной. Воздух солёный и влажный.

— Даша! — попытался позвать, но голос подвёл. Он звучал хрипло и непослушно, горло драло, как во время сильнейшей ангины, каждое слово было царапающей болью. А ещё нестерпимо кружилась голова и подкатывала тошнота. Мысли путались. Олесья... аппараты... консилиум завтра... таллий... вспышка...

Возможно, я и впрямь сам отравился таллием, пока использовал его для экспериментов. Отравление тяжёлыми металлами могло давать и галлюцинации, и потерю ориентации, и этот металлический привкус во рту. Все было надёжно, но, быть может, поставщик обманул, и чистота реактива была фикцией.

— Даша! — крикнул я громче, как только смог, но крик сорвался на болезненный кашель. Звук просто поглотили простор и шум волн.

Может, и вовсе не было рядом моей практикантки. Последнюю неделю она часто мелькала перед глазами, вот и привиделась. Ее создал мой воспалённый мозг, чтобы был хоть какой-то свидетель моего безумия, хоть какая-то связь с реальным миром в момент его распада. Логично. Удобно. Страшно.

Я с трудом встал на ноги, пошатнулся. Я находился на берегу моря. Вокруг не души.

Не существует перемещений в пространстве, ни во времени. Эта аксиома, вбитая в сознание с первых курсов физики и подкреплённая всей практической логикой бытия!

Даже в моём безумном состоянии, на грани срыва, фундаментальные законы мироздания должны были оставаться нерушимыми. Эйнштейн, Хокинг, все учебники, все эксперименты — всё это кричало, что так не бывает. Тело не может быть разобрано на кванты, перенесено через неизвестные измерения и собрано заново на берегу неведомого моря.

Это — чистой воды фантастика, бред, научная ересь.

Но ни я ли хотел недавно выйти за границы науки?! И обрести новую веру в медицину...

ГЛАВА 3

АЛЕКСАНДР

Пять лет спустя...

Пять лет. Целая вечность и один миг одновременно. Пять лет, которые можно было измерить тысячами бессонных ночей, проведенных над чужими гримуарами и собственными чертежами при свете масляной лампы. Время здесь текло неумолимо, отдаляя меня все дальше от прежнего себя, к которому не было возвращения.

За эти годы я перестал быть Александром Грачевым, отчаявшимся врачом из другого мира, а стал доктором Грачем. Основателем и главным врачом «Приюта Грача» — единственного места в этом городе, да и без ложной скромности, на округу, где лечили не только травами и заговорами, но и тем, что здесь считали запретным знанием: методами, отдалённо напоминающими земную медицину, помноженными на обрывки знаний, добытых мной в этом странном мире. Я лечил. Собирал по крупицам репутацию. От безумного чужака до последней надежды для безнадежных. И тщательно скрывал, кто я и откуда на самом деле.

Вернуться у меня не получилось. Это было первое и самое горькое признание, на которое ушли месяцы. Я потратил уйму времени, пытаюсь понять природу перемещения. Но это было невозможно. Собрать идентичный аппарат в этом ми-

ре, напоминающем средневековье, было нереально. Здесь не было микросхем, точных измерителей частоты, чистых химических реактивов. Здесь только зарождалось электричество, и то в виде диковинки у пары сумасшедших изобретателей, что уже говорить о таллии и прочих элементах таблицы Менделеева. Их здесь просто не существовало в чистом виде, или они носили иные, сказочные названия и обладали непредсказуемыми свойствами. Мои расчёты, мои формулы были бесполезными иероглифами в мире с иными фундаментальными константами.

И даже если бы мне удалось собрать, то как вернуться именно домой в свое время, именно в заданную точку, откуда мы с Дашей... Провалились сквозь портал? Я не знал координат. Не знал «адреса» своего мира в этой чудовищной мультивселенной. Попытка открыть портал наугад была верным способом исчезнуть навсегда или оказаться в месте, ещё более ужасном.

Даша... Я так ее и не нашел... Этот груз вины давил на душу почти так же тяжело, как мысль об Олесе. Мы были вырваны вместе, но разбросаны по разным углам этой реальности.

Первое время, пока осваивался, расклеивал объявления и писал в газеты о девушке, надеясь, что она или кто-то отзовется, но этого не происходило. Описания «высокая, худощавая, голубые глаза, светлые волосы, одета в белый медицинский халат» вызывали лишь недоумённые пожимания

плечами.

Жива ли она. Я не знал... Возможно, она погибла в момент перехода. Возможно, оказалась в тысячах лиг отсюда, в диких землях, о которых я и не слышал. А возможно, адаптировалась, как и я, сменила имя и выжила. Эта неизвестность была незаживающей раной, постоянным напоминанием своей вины. Из-за меня она оказалась там в подсобке. И я даже не смог удержать её руку тогда. И теперь я был обречён нести это бремя в одиночку, строя свою новую жизнь на зыбком песке тоски и сожаления.

— Доктор Грач, — в кабинет вошла моя помощница Элоди, бледная, с испугано расширенными глазами, — Там странные люди требуют вас... — не успела она договорить, как дверь с силой распахнулась, ударившись о стену, и вслед за ней зашел высокий бугай под два метра ростом. Он заполнил собой проём, толкая девушку вперед.

Я встал, никому не позволено так обращаться с моим персоналом. Медленно, давая понять, что его вторжение не заставило меня суетиться.

— Я позову охрану, — пискнула Элоди, выбегая в коридор, но я ее уже не слушал, смотря прямо на потревожившего мой покой. Его лицо напоминало арабов, значит, скорее всего, с юга, одежда крепкая, поношенная кожаная броня, не городская. Он не был обычным бандитом. В нём чувствовалась дисциплинированная, направленная жестокость.

— Вы тот самый доктор?

— Доктор может и я, а вот кто вы? И почему вламывается ко мне в кабинет как к себе домой?

Уже не первый такой. Особенно вначале, когда я только открыл лечебницу, желающих отобрать ее было масса. И тех, кто считает, что сила и деньги решают все.

На такой случай у меня всегда в верхнем ящике стола припасены шприцы с быстродействующим успокоительным. Как раз таким я вооружился сейчас, держа ладонь в кармане халата, где всегда лежал подготовленный шприц с откинутой защитой.

Громила не слушал, а просто подошел и схватил меня за грудки.

— Идешь со мной...

Я, не раздумывая, оказавшись на таком близком расстоянии, вколол ему лекарство прямо в бок. Он ахнул больше от удивления, чем от боли, и отшатнулся, его хватка ослабла.

В этот момент как раз и подоспел охранник Кунт. Он ловко подхватил бугая, который уже начал оседать на ногах, взгляд его стал стеклянным.

— Куда его? — глухо спросил Кунт.

— Усади здесь, в кресле, — кивнул на массивное кресло для пациентов у стены. У меня было еще полчаса до процедуры. Оставлять угрозу без выяснения причин было нельзя. Нужно выяснить за чем он все же пожаловал. Кто за ним стоит? Не хватало только, чтобы он или его дружки вломились и мешали лечению и наводили беспорядок в лечеб-

нице.

 Как уже многие догадались, про Дашу будет своя история. Одно скажу - она жива и ее занесло к драконам))) К одному очень властному и вредному конкретно))) Старт будет в конце февраля.
 Как Александр обжигался вначале тоже будет, но решила сделать это воспоминаниями, чтобы вы не заскучили)))
 Заглядывайте в тг, буду проводить розыгрыши))
 MargoAbramovaAvtor

3.2

— Что ты мне вколол? — проговорил он заплетающимся языком, тщетно пытаясь сжать обессилившие кулаки. Его единственный зрячий глаз сфокусировался на мне с мутной злобой, — Верни как было, иначе пожалеешь, — перешел он к угрозам, но даже они звучали вяло, утопая в наступающем тумане.

Я вздохнул, убирая пустой шприц.

— Я сейчас вколю вторую дозу транквилизатора, и это вы пожалеете, что вломились сюда, — сказал спокойно, почти бесстрастно, — Вместо угроз, лучше перейти к сути проблемы. Зачем вам врач? Вы врываетесь не в кабак, а в лечебницу. Значит, кто-то болен или ранен. Говорите. Пока у вас есть на это силы.

Громила закачал головой, пытаясь стряхнуть оцепенение.

— До нас дошли слухи, — начал он с трудом, — что здесь чудотворец живет, что лечит руками и ставит на ноги немощных. Говорят, хромого Кузьмича, которого десять лет на палке волокло, на ноги поставил. И что глаза слепым возвращаешь.

Я мысленно отметил, что слухи, как всегда, приукрасили реальность. Хромого Кузьмича я лечил от тяжелого артрита долгими месяцами физиотерапии и противовоспалительными, а не одним прикосновением.

— Не руками, но допустим, — сухо согласился, — И до кого это «до нас»? — нужно было выяснить, кто его прислал. От этого зависела моя дальнейшая тактика.

— Через неделю, — продолжил бугай, делая паузу, чтобы перевести дух, — Прибудет нурджан. А невеста не ходит.

Я нахмурился.

— Паралич?

— Что? — посмотрел на меня непонимающе.

— Обездвижены конечности или все тело? И что произошло? — переформулировал вопрос проще, отбрасывая медицинские термины, — Как давно? После чего? Упала? Заболела? Ударили?

Громила мрачно хмыкнул, и в его голосе прозвучало нечто вроде суеверного страха.

— Кара ее настигла. От нурджана сбежать хотела.

Только дикарей мне не хватало. Внутренне я закипел. Всегда злят, что прикрываются религией и предрассудками там, где нужна диагностика. Это только их мышление, их ограниченная картина мира, а любая разумная высшая сила, будь то бог, дух или закон мироздания, не может желать, чтобы из-за пола или веры человеку отказали в помощи, в лечении, в шансе на жизнь. Но для некоторых лучше умереть «правильно», чем выздороветь «непонятно как».

Я не был атеистом. Никогда. Особенно не после произошедшего со мной. Не после того сна...

Было сложно принять и не порвать «отношения» с бога-

ми после всего, но я старался придерживаться своеобразного нейтралитета. Мое попадание заставило взглянуть на жизнь под другим углом. Это событие не укладывалось ни в одну научную парадигму, известную мне. Оно требовало либо признания собственного безумия, либо допущения существования чего-то, что находится за гранью понимания. Я выбрал второе, но без восторга и покорности. Это было холодное, практическое признание: существуют правила игры, которых я не знаю.

Всё, что казалось незыблемым — законы физики, причинно-следственные связи, сама логика мироздания — оказалось шатким, подверженным каким-то иным, неведомым влияниям. Сначала болезнь Олеси. Вначале я считал это просто генетикой, предпосылками организма, слабыми местами, статистической случайностью. Искал физические причины и физические же решения.

Но потом... когда медицина опустила руки, а я упёрся лбом в стену невозможного... я готов был поверить в высшие силы, в злой рок, в карму, во что угодно. Отчаяние ищет виноватых там, где разум их не находит. Я ругался, спрашивал «зачем?» и «за что?», глядя в пустой потолок больничной палаты. Конечно, никто мне не отвечал... Только эхо моего собственного голоса в пустоте. Я молился... Просто вкладывая в пространство всю свою ярость, боль и мольбу, как сигнал бедствия, посланный в никуда. Было ли это обращением к Богу или просто последним криком души — я до

сих пор не знаю.

А потом поверил в свой аппарат, и вот где оказался...

Но сейчас не об этом...

«Нурджан»... Звучало восточно, торжественно. Похоже на титул. Я представил что-то вроде сватовства или официального обручения в одном из местных кланов, возможно, кочевых, где браки — это союзы между семьями, скреплённые сложными церемониями. Невеста, внезапно поражённая параличом накануне такого события... Это была катастрофа для её семьи. Позор, расторжение договора, возможно, кровная месть. Отсюда и паника, и грубые методы. Им нужен был не просто врач, а чудотворец, способный снять «позорную кару» до приезда жениха.

— Ладно, — сказал я, принимая решение. Оставлять проблему нерешённой было нельзя — они могут вернуться, и уже не в одиночку. Следующий визит мог обернуться поджогом, похищением кого-то из персонала или просто внезапным ударом ножа в спину в тёмном переулке. Неизвестно какое они придумают наказание за отказ. — Ты отойдёшь от действия сыворотки через пару часов. Твоя «невеста», где она?

Можно попробовать взглянуть на нее.

— Дома.

— Привозите. Я не покидаю стены лечебницы. У меня много пациентов, которые нуждаются в моей ежедневной помощи.

Он покачал головой, и даже в полубессознательном состоянии в его жесте читалось непоколебимое «нет».

— Невесте нельзя покидать дом до свадьбы. Табу. Её выход за пределы родовых земель до обряда — дурное предзнаменование.

— Ну вы решите хотите, чтобы я попытался помочь или ждите, что само пройдет, — мои слова прозвучали резко и цинично, но иного языка эти люди часто не понимали, — Вы пришли ко мне, потому нужно лечение. Я предлагаю решение. Но мои правила — часть лечения. Без них — никак.

Глаза громилы, затуманенные сывороткой, сверкнули тёмным огнём. Он собрал последние силы, чтобы произнести слова, в которых не было просьбы, а был лишь ультиматум самой судьбы:

— Нурджану нужна здоровая. Иначе позор семье.

ГЛАВА 4

АЛЕКСАНДР

Ну что-то подобное я и предполагал. Сложно строить свои правила, когда мир пропитан чужими традициями, уходящими корнями в глубь веков. Ты можешь быть хоть семи пядей во лбу, хоть прищельцем с продвинутой медициной, но если твои методы противоречат тому, во что здесь верят всей душой, тебя просто не станут слушать.

Нужно будет обязательно переговорить с их главным, что я не маг-чародей, а обычный доктор, пусть со своими своеобразными методами лечения. Если случай действительно тяжелый, то мне нечего им предложить.

«Не лезь в чужой монастырь со своим уставом». Эта поговорка звучала в голове с горькой иронией. Но как не лезть, если твой «устав» — это сама суть тебя, твоё знание, твоё единственное оружие в этом чужом мире? Я знал другую медицину и собирался развивать ее в этом мире.

Чего стоило собрать аппарат для микротоковой рефлексотерапии! Это была моя гордость, мой кропотливый шедевр, созданный буквально по крупицам.

Я использовал кристаллы, обладающие пьезоэлектрическим эффектом в этом мире, медные сплавы особой проводимости, найденные у странствующих торговцев, и эбонитовые рукояти, выточенные местным столяром по моим

чертежам. Месяцы проб, ошибок, мелких ударов током и, наконец, момент, когда слабый, управляемый разряд точно стимулировал нервное окончание. И теперь это изобретение сталкивалось с диким законом «нельзя выносить невесту из дома».

Этот мир другой, в нем свои устои. Нет, конечно, людская натура одинакова в любом из миров. Я вижу это каждый день. Одинаков блеск в глазах матери, когда её ребёнок после долгой лихорадки наконец просит пить. Одинакова скорбь в опущенных плечах того, кто потерял близкого. Одинакова жадность в пальцах купца, взвешивающего товар, и та же самая трусливая жестокость в глазах наёмника, что ищет слабое место.

Страх, надежда, любовь, алчность, ревность, щедрость — это универсальный язык, не требующий перевода. Это тот самый корень, из которого растёт всё человеческое, в каком бы мире оно ни проросло.

Но все же некоторые правила могут влиять на человека. Они становятся внутренними тиранами, скелетом, на который нарастает плоть чувств и поступков. Любовь матери к дочери может обернуться молчаливым согласием на её страдание, потому что так велит обычай. Мужество может быть направлено не на спасение, а на охрану бесполезного ритуала.

Временами я очень часто скучаю по благам цивилизации, всему тому... Не по машинам или телевизору, а по неви-

димым нитям, связывающим мир воедино. По мгновенному доступу к любой информации, по свету, загорающемуся от щелчка выключателя, по уверенности, что «скорую» можно вызвать за три цифры, и она приедет.

Иногда кажется, что память подводит, и я совсем не помню ее лица. Это самое страшное. Страшнее любой физической опасности. Время стирает черты. Как же хочется взглянуть на нее еще раз. Но здесь у меня нет ни телефона с фото и видео, ни даже старого бумажного фотоальбома. Ничего.

Фантазия может исказить действительность. Ты и не заметишь, как она выместит ее, заполнив собой.

Я рисовал ее, чтобы не забыть.

Темное каре, которое она обожала. Стоило чуть отрасти — и она бежала к парикмахеру. Светло-карие глаза, почти зеленые, обрамленные густыми ресницами. Они меняли цвет в зависимости от настроения. Открытое лицо, прямой нос...

Но чего-то не хватало... Жизни. Искры. Того неуловимого света, который делал её ею, а не просто набором правильных черт.

Совсем недавно я встретил девушку. Александру Демси. Она напомнила мне ее.

Не внешностью, а по характеру. В ней была та же внутренняя тишина, из которой рождалась сила. Она не любила ругаться, не закатывала истерик. Спокойно, почти тихо, доносила свою точку зрения, но так, что переспорить её было

невозможно. Казалась хрупкой, но внутри был стержень. И этот контраст был так знаком. И поэтому когда она сдалась, я не поверил... Ну не могла Олеся опустить руки...

И я не мог допустить, что Александра сдать. Словно я второй раз проиграл...

Да, было много пациентов, но именно она запомнилась сильнее всех. Я лечил её с особым усердием.

Меня злил ее муж, со своими вечными проблемами. Я постоянно твердил, что девушке нужна поддержка, нельзя ее оставлять одну, иначе она может сломаться.

Сандра заступалась за него, твердила про обстоятельства. Я знал, как могут быть жестоки обстоятельства, и тем сильнее горел желанием ей помочь.

Обстоятельства...

Когда ты находишься в другом мире, а не в другом городе... понимаешь истинный масштаб этого слова.

Прошло столько лет. И вот появляется эта девушка, разбредив старые раны в душе.

Я никогда не забывал...

Первые годы были самыми тяжелыми.

 Если кто-то не знает, то Александра Демси - героиня книги "Прокаженная. Брак из жалости"
 <https://litnet.com/shrt/yTbW>

4.2

Я не понимал языка. Первые дни, недели, месяцы — это был сплошной, оглушающий гул чужих звуков, лишённых смысла. Гортанные, шипящие, свистящие сочетания, которые моё ухо отказывалось различать. Общался жестами. Это все усложняло.

Каждая простая потребность превращалась в квест. Каждая попытка узнать, где я и что происходит, упиралась в стену непонимания. Но хуже всего было другое. Как можно вернуться назад, если даже поговорить нормально не можешь?

Ты не просто чужак. Ты немой и глухой в мире, где информация — ключ ко всему. Я был отрезан не только от дома, но и от самой возможности найти дорогу.

Хорошо, что мне всегда давалось изучение иностранных языков. Здесь это стало вопросом выживания. Я превратил себя в губку. Впитывал каждое слово, каждую интонацию. Сначала пассивно, как попугай, повторяя за торговцами на рынке названия товаров. Потом начал улавливать структуру, грамматические конструкции. Завёл грубый пергаментный блокнот и записывал звуки своими символами, выстраивая подобие словаря.

Но был период, что я сдался.

Я запил...

Алкоголь сжигал горло и отключал сознание. И это было

именно то, что мне было нужно. Я пил для забвения. Чтобы на несколько часов перестать быть Александром Грачевым, застрывшим в аду. Чтобы не видеть во сне лицо Олеси.

Я опустил на самое дно отчаяния.

Мне нужно было домой... к Олесе.

«Просто будь рядом...» «Вы нужны своей жене...»

Я не был рядом. Я был здесь, в другом измерении, беспомощный и пьяный.

Я ее подвел.

Этот период длился несколько месяцев. Может, полгода. Время тогда текло смазанно и бессмысленно.

А потом закончилась зима. Пришла оттепель, и с гор хлынули грязные потоки, превратившие дороги в болото.

И однажды, придя в себя после очередного забытья в своей дырявой лачуге на окраине рыбацкой слободы, я услышал за дверью не привычное пьяное бормотание, а срывающиеся на визг женские вопли.

Я вывалился наружу, щурясь от непривычно яркого солнца. У покосившегося забора толпилось несколько местных, перешёптываясь и показывая на лежащую в грязи фигурку. Это была девочка. Лет восьми-девяти.

Неестественный угол, под которым была вывернута левая нога ниже колена, кричал об открытом переломе со смещением. Кость почти прорезала кожу. Женщина, вероятно, нянька или служанка, рыдала, заламывая руки, не зная, что делать. Их повозка перевернулась на размытой дороге.

Во мне, сквозь алкогольный туман и апатию, сработал щелчок. Глубокий, до костей, врачебный рефлекс. Это был уже не просто перелом — каждая минута промедления грозила кровопотерей, шоком, инфекцией и потерей конечности. Я не думал о последствиях, о своём виде пропойцы, о непонимании. Я оттолкнул зевак, бормоча на ломаном местном и южном наречиях.

Слуги и местные, ошарашенные внезапной властью в голосе этого оборванца, засуетились. Я сорвал с себя менее грязную часть рубахи, вылил на рану остатки своего «лекарства» — крепкого алкоголя, который был единственным антисептиком под рукой. Девочка стонала, её глаза, полные ужаса и боли, смотрели на меня.

Работал я почти на автомате, руки, к удивлению, не дрожали. Вправление кости, очистка раны, наложение шины из подручных материалов. Я отдавал короткие, чёткие команды, заставляя няньку держать, а кого-то из мужиков — готовить носилки. Когда самое страшное было позади, и девочка, напоенная мной же отваром сонных трав, наконец погрузилась в забытё, я поднял глаза и увидел подъехавшую карету. Из неё выскочил мужчина в дорогих, но практичных одеждах, с лицом, искажённым страхом. Его взгляд метнулся от дочери ко мне, к моим рукам, залитым её кровью.

Это был Лоренцо ван Дейк, один из самых влиятельных торговцев Приморья, глава гильдии южан, чьи корабли ходили до самых дальних архипелагов. Человек, чьё слово зна-

чило очень многое.

Он не стал спрашивать, кто я и что я тут делаю. Он увидел результат: его дочь жива, нога зафиксирована, шок купирован.

— Ты спас её от хромоты. А может, и от смерти, — сказал он просто, и его голос дрогнул. — Назови свою цену.

У меня не было цены, а было лишь желание найти путь домой.

Так началось наше знакомство. И наличием этой лечебницы я обязан именно этому человеку.

Но тогда я не заглядывал так далеко. Я не планировал открывать ее. Не собирался задерживаться в этом мире. Это был шанс попробовать построить свой аппарат.

Помещение, которое предоставил ван Дейк, я воспринял не как будущую больницу, а как лабораторию. Наконец-то у меня были стены, крыша, относительная безопасность и какие-никакие ресурсы. Моей первой просьбой после базовых лекарств и инструментов были не кровати для пациентов, а специфические минералы, редкие сплавы.

Пока я исполнял обязанности врача для его людей, львиная доля моей энергии и его предоставленных материалов уходила в безумную, тихую гонку.

Лечебница появилась после... После множества неудачных попыток...

ГЛАВА 5

АЛЕКСАНДР

Лоренцо долго пытался до меня достучаться. После того как я, пользуясь его покровительством, не стал наращивать приём пациентов, а с головой ушёл в свои странные эксперименты, он начал проявлять раздражение.

Он не понимал, почему я растрачиваю свои способности непонятно на что, когда могу помогать людям, нарабатывать себе состояние и влияние, а заодно и укреплять его собственную репутацию как покровителя прогресса.

Для него, человека действия и выгоды, моя одержимость была глупой, даже оскорбительной растратой данного мне шанса. Он приходил ко мне, смотрел на чертежи, покрытые странными символами, и качал головой.

— Ты мог бы уже иметь собственный дом в престижном квартале, а не ютиться здесь, — говорил он как-то, — Имей ты хоть каплю практичности, тебя бы носили на руках. А ты копаешься в этом хламе.

Однажды, после особенно неудачного эксперимента моё терпение лопнуло. Я поведал ему всё, что копилось годами.

Я рассказал ему про то, что я попаданец, что меня занесло в этот мир, и я хочу вернуться обратно. Не в соседнее королевство. Не через море. А обратно. В свой мир.

Он тогда засмеялся, думая, что шучу. Короткий, рез-

кий смех человека, ожидавшего услышать оправдание вроде «ищу философский камень» или «изучаю природу эфира». Моя же история звучала как бред сумасшедшего или сюжет дешёвой баллады, которые поют бродячие певцы.

А потом, заглянув мне в глаза, он увидел в них правду. Не блеск фанатика, а глубокую, выстраданную боль. Ту самую боль, которую не сыграть. Он хорошо разбирается в людях — это необходимость в его деле. Он видел ложь и лесть каждый день. И сейчас он видел нечто иное. Было ясно — я говорю правду или сошел с ума и искренне верю в эту правду.

Я так долго копил это в себе. Никому не рассказывался. Да и некому было.

И тогда я обрушил на него множество информации про наш мир, которую невозможно было придумать. И не ограничился тем, что люди летают по небу в металлических птицах. Я говорил о клеточном строении организмов, о законах термодинамики, о вирусах и бактериях, как о причине болезней, о хирургии на остановленном сердце, о теории относительности. Я рисовал ему схему ДНК (грубо, по памяти), рассказывал о полётах на Луну, о глобальной сети связи, где мысли и слова передаются за доли секунды через воздух. Я сыпал терминами, которые не имели аналогов в его языке, и мне приходилось придумывать описательные конструкции, от которых кружилась голова.

Он слушал. Не перебивая. Его лицо было каменной маской, но глаза, эти пронизательные глаза торговца и стратега,

выдавали бурю. Неверие боролось с логикой: сумасшедший не смог бы выстроить такую сложную, внутренне непротиворечивую картину. Лжец придумал бы что-то попроще, чтобы его поняли и поверили. А тут была целая вселенная.

Когда я закончил, в комнате повисла тяжёлая тишина. Лоренцо ван Дейк медленно подошёл к столу, потрогал сгоревший провод.

— И этот... аппарат, — произнёс он наконец, обдумывая каждое слово, — который ты пытаешься собрать... Он должен открыть дверь в этот твой мир?

Я кивнул, не в силах вымолвить ни слова.

Он вздохнул, и в его вздохе звучало нечто похожее на уважение, смешанное с жалостью. Жалостью к безумцу, который сражается с океаном, вооружившись ложкой.

И он был прав. Но его правда не остановила бы меня. Конец моим экспериментам положил сон. Он и поставил жирную точку.

Мне приснилась Олеся. Мы шли по берегу моря. Не тому, что виднелось в окно каждое утро. А по берегу в Анапе. В городе, в котором она родилась. Мы каждое лето ездили к ее родителям отдыхать. Я брал месячный отпуск, положенный врачам, и мы наслаждались временем вместе. Это были наши священные недели, когда больница, дежурства, тревоги оставались за тысячу километров. Здесь мы были просто Сашей и Лесей.

Мы шли, держась за руки, и вдруг, посреди этого иде-

ального воспоминания, меня прошибло осознанной реальностью сна. Я понял, что сплю. Но вместо того чтобы размыться, мир вокруг стал только чётче, ярче, а её рука в моей — теплее и настоящей.

— Олеся, — меня накрыло пониманием. Голос сорвался с губ шёпотом, полным изумления и боли. Ее лицо ... это было ее лицо, не фантазия, не собирательный образ, каким я ее помнил в последнее время. Она была настоящая.

Я даже почувствовал улыбку от встречи с ней. Такая легкость, когда ты наконец достиг желаемого — долгожданной встречи. На миг забылось всё — порталы, миры, годы разлуки. Она была здесь.

— Лесь... Мне так тебя не хватает. Я вернусь, — слова вылетали сами, обнажая самую суть моей одержимости.

— Саша. Меня там уже нет.

— Нет, ты не умерла...

Она грустно улыбнулась.

— Я тебя люблю, милый... Мы еще встретимся. Однажды... Но дальше ты должен продолжить путь без меня. Твое время не пришло.

— Я не хочу без тебя...

— Обещай мне...

— Нет... Если есть вход, должен быть и выход. Я создам портал и вернусь в ту точку времени. Если существуют межпространственные разрывы, то время тоже может быть нелинейным. Я сыпал своими теориями, своими последними ар-

гументами, как заклинаниями, пытаюсь отгородиться от её правды.

— Ты не для этого там.

— А для чего?

Её взгляд стал пронзительным, будто она видела не меня, а цепь причин и следствий, тянущуюся через миры.

— Мирам не хватает развития... — сказала она, и её голос прозвучал эхом, будто в нём говорили не только она, а само пространство.

Кто-то дал нам эту встречу, и также забрал...

Я проснулся резко, весь в холодном поту.

Я же понимал, что на следующий день они должны были отключить ее от аппарата искусственного дыхания. Мозг был мертв уже больше недели, но я раз за разом подписывал отказ. Они должны были пригласить консилиум... Эти мысли, как ледяные змеи, выползли из глубин памяти, подтверждая её слова. «Меня там уже нет». Это не было метафорой. Это был медицинский факт, который я отчаянно пытался игнорировать. В момент пробуждения я знал это с абсолютной, беспощадной ясностью.

Это просто сон. Это мое подсознание помогает самому себе и тем самым оправдывает мои неудачи.

Но сердце твердило обратное. Разум мог строить сколь угодно изящные теории о защитных механизмах психики, но сердце знало. Оно чувствовало в том сне не психологический механизм, а нечто большее.

Это была не иллюзия, созданная уставшим мозгом, а встреча — последняя, прощальная. Меня не было на похоронах и я не попрощался, поэтому изводил себя.

А это было послание. Прощальное, безжалостное и освобождающее одновременно. Она отпускала меня. И приказывала жить. Не в прошлом, а здесь.

Я промаялся весь день, слоняясь по берегу бушующего моря. Я кричал, срывая голос, и мою боль забирал штормовой ветер. Я выкрикивал её имя в пустоту, ругался на неё за то, что оставила, на себя — за то, что не сумел удержать, на богов, судьбу, на всю несправедливую вселенную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.